

**Екатерина Мордвинцева**

# **Обратная сторона вечности**

УДК 82-312.9  
ББК 84-445  
М79

**Мордвинцева Е.**

М79 Обратная сторона вечности / Екатерина Мордвинцева. –  
М.: Литнет, 2026. – 242 с.

**ISBN 978-5-524-00410-9**

Ночь. Клуб. Взгляд. Егор думал, что это будет очередное мимолётное приключение. Но Ксения оказалась не просто красивой девушкой – она была вампиром, прячущимся от своего прошлого сто лет. Их встреча случайна, но чувства неизбежны. Чтобы быть вместе, ему придётся умереть и родиться заново. Сможет ли любовь победить голод, страх и древнее проклятие?



Знак информационной продукции согласно  
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

**ISBN 978-5-524-00410-9**

© Литнет, 2026  
© Мордвинцева Е., 2026

## Глава 1

Ночь пахла деньгами, потом и свободой.

Бас ударил где-то под рёбрами, прокатился по позвоночнику и вышел через макушку, оставляя после себя вибрацию, которая, казалось, настраивала внутренние органы на одну частоту с колонками. Егор Тихомиров стоял в самом сердце танцпола клуба «Агата», закрыв глаза, и позволял ритму вколачивать себя в состояние идеального нирванического транса.

Здесь музыка была не просто звуком. Она стала субстанцией – густой, почти осязаемой, от которой вибрировали зубы, а в груди возникало странное чувство полёта, будто пол вот-вот уйдёт из-под ног. Такое ощущение он ловил только в лучших клубах Москвы и один раз – на закрытой вечеринке в Берлине, куда его вытащил Ник за компанию. Тогда они умудрились потерять друг друга на три часа, встретились уже под утро у выхода и, хохоча, признались, что оба просто кайфовали в одиночестве под звуки, которые можно было не слушать – ими можно было дышать.

Егор был своим в «Агате». Не потому, что мажор с папиной картой – хотя карта «Платинум» в кармане джинсов имелась, подарок на прошлый Новый год от щедрых родителей, которые до сих пор не оставляли попыток привязать сына к семейному бизнесу. Нет, он был своим по праву. Он умел быть своим везде, где пахло хорошей музыкой и дорогим алкоголем, где лица в полумраке казались высеченными из мрамора, а утро обещало либо приключения, либо полную амнезию. Это умение не купишь за деньги. Это – чутьё. Или наглость. Или их счастливая смесь.

Двадцать пять лет. Менеджер среднего звена в крупной IT-компании. Должность звучала скучно: «Специалист по клиентскому сервису и развитию партнерской сети». На деле это значило, что днём Егор разруливал конфликты с заказчиками, пил кофе с важ-

ными лицами (иногда до такой степени важными, что им даже кофе носили личные помощники) и иногда писал умные письма на английском, вставляя слова вроде «синергия» и «проактивный подход». Ему платили достаточно, чтобы снимать отличную квартиру в «Москва-Сити» – не покупать, потому что покупка недвижимости в двадцать пять казалась ему идиотизмом, но на съём с запасом хватало. Он одевался в итальянских бутиках (не на каждом углу, а тех, где продавцы помнят твоё имя и размер) и ни в чём себе не отказывал по ночам.

Ночь была его временем. Временем, когда заканчивалась скучная обязаловка, гас экран рабочего ноутбука, и начиналась настоящая жизнь – та, за которую он, если честно, и получал свою зарплату. Чтобы потом, после двадцати часов корпоративной вежливости и дипломатии, можно было выдохнуть, скинуть пиджак и шагнуть в темноту.

– Егор! Йо! Тормози уже, дай передохнуть!

Кто-то хлопнул его по плечу. Егор открыл глаза и скосил взгляд на Никиту – друга ещё с первого курса МИФИ, где они вместе страдали от высшей математики и одновременно открыли для себя прелесть ночных рейвов. Ник тряс головой, как мокрая собака, вытрясая из ушей гул; его короткие волосы взмокли, а на лице застыло выражение блаженной усталости. Потом он показал пальцем на барную стойку, где уже образовалась небольшая очередь из таких же измученных танцоров.

– Выйдем? – крикнул Ник, перекрывая музыку. Ладони он сложил рупором, чтобы голос не разбивался о басы. – В горле пересохло! И в пузе! Шавухи хочу!

– Шаурма после джин-тоники – это гастрономическое преступление, – лениво отозвался Егор, но кивнул.

Ник был прав. Жажда уже выжигала горло, да и мысли о шаурме начали казаться не такими уж глупыми. Алкоголь всегда пробуждал в нём странный, почти звериный аппетит. Однажды после корпора-

тива они с Ником дошли до того, что заказали три порции шаурмы на двоих и съели всё, не оставив даже крошек. Официант в круглосуточном ларьке тогда ещё долго вспоминал «тех двух бледных кентов, которые жрали как не в себя».

Бросив прощальный взгляд на вип-ложу справа – там какая-то длинноногая брюнетка в облегающем платье цвета бутылочного стекла строила ему глазки из-под накладных ресниц. Егор встречался с ней взглядом секунду, другую. В другое время он, возможно, подошёл бы, сказал что-то легко-остроумное, купил бы ей какой-нибудь переоценённый коктейль с зонтиком и провёл бы остаток ночи с пользой. Но сегодня он был не в настроении для одноразовых знакомств. Иногда хотелось просто кайфовать от музыки, от толпы, от чувства собственной крутизны, когда ты стоишь посреди этого бедлама и знаешь: ты – центр своей вселенной, и никто вокруг не имеет доступа к твоему покою.

Он пожал брюнетке плечами (что можно перевести как «извини, вечер занят») и двинул к выходу с танцпола, лавируя между потными, счастливыми телами. Кто-то задел его локтем, кто-то, наоборот, прижался на секунду – в такой толпе физические границы размываются, и это тоже был особый кайф.

У барной стойки было шумно, но хотя бы можно было разговаривать, не срывая голос до хрипоты. Свет здесь был приглушённый, янтарный, отражался в блестящих бутылках за спиной бармена и в глазах посетителей, которые уже перешли из стадии «лёгкое опьянение» в стадию «веселье с оттенком безумия».

– Джин с тоником, – бросил Егор бармену – молодому парню с татуировкой дракона на шее, который уже тянул руку к бутылке «Хендрикса», зная вкусы постоянного клиента. Дракон извивался каждый раз, когда парень двигал головой, и выглядело это одновременно завораживающе и немного жутковато. – И покрепче. Лимон вместо лайма.

– Есть, – кивнул бармен.

– Ник, ты как?

– Виски, двойной, – Ник плюхнулся на высокий стул, обтянутый потёртым велюром, и устало потер переносицу. Его пальцы слегка дрожали – то ли от усталости, то ли от того, что музыка ещё пульсировала в крови. – Стареем, брат. В час ночи уже вырубаюсь. Раньше мы до шести утра могли, и на работу на следующий день – хоть бы хны. А сейчас... Сейчас я смотрю на часы и думаю: «Боже, неужели только начало двенадцатого?»

– В час ночи всё только начинается, – усмехнулся Егор, принимая бокал. Прозрачная жидкость приятно холодила пальцы через стекло, и он с наслаждением втянул воздух – можжевельник смешивался с цитрусом, создавая тот самый сложный, взрослый аромат хорошего джина. Он сделал глоток, чуть задержал на языке, и терпкий вкус можжевельника с нотками кориандра и фиалки разлился по нёбу, смешиваясь с послевкусием дорогого тоника. Идеально.

На секунду Егор закрыл глаза и просто наслаждался. В такие моменты он чувствовал себя не просто менеджером среднего звена, а человеком, который умеет управлять своей жизнью. Он мог позволить себе этот джин, этот клуб, эту свободу. И это давало ощущение, почти физическое, будто он держит в руках свой мир и тот не рассыпается.

– Слышал новость? – Ник понизил голос, хотя перекрикивать музыку всё равно приходилось. Он отодвинул свой стакан с виски на секунду, наклонился к Егору. – По «Авроре» проект закрыли. Всю команду на аутсорс отдают. Сокращение.

Егор поморщился. «Аврора» – их бывший заказчик, крупный ретейлер, с которым он сам выстраивал отношения полгода назад. Там было столько нервов, ночных созвонов с юристами, принятия решений, когда за спиной уже не стоял никто из руководства. Он тогда вбухал в этот проект столько сил, что на выходных просто выпадал из реальности. Слив бюджета – обычное дело, внутренние разборки тех, кто не смог поделить потоки – тоже знакомая история.

Но новость всё равно была неприятной, как укол в то самое место, где ещё не прошёл синяк.

– Говорят, их IT-директор сбежал за месяц до закрытия, прихватив с собой сервер и двух лучших аналитиков, – продолжил Ник, явно получая удовольствие от сплетен. – А команде сказали: «Вы свободны, спасибо за сотрудничество». Без выходного пособия. Вот так.

– Ник, мы в клубе, а не на планерке, – Егор отмахнулся рукой с бокалом, чуть не расплескав. – Расслабься. Если будут сокращать – пойду в «Яндекс». Или в Дубай свалю. Там налоги низкие, а зарплата выше. Проблема? Для меня – нет.

Он сказал это с лёгкостью, которую не чувствовал. На самом деле мысль о возможном сокращении где-то глубоко беспокоила. Но показывать это

Ник, а тем более – самому себе, он не собирался.

– Для тебя проблем вообще не существует, – хмыкнул Ник с лёгкой завистью, которая, впрочем, была лишена злости. Он отпил виски, поморщился – бармен переборщил с торфяным оттенком. – Везет же некоторым. Тебе и девушки сами в руки плывут, и работа не пыльная. А я вон, банковский клерк, каждый день в галстук задыхаюсь.

– Не везет, – Егор поднял указательный палец и сделал ещё один глоток, побольше. – А работаю над этим. Вкалываю как папа Карло, чтобы вот так сидеть и пить джин с тоником. Итээсник, блин, должен страдать, сидеть в тёмной комнате и отлаживать баги по ночам – а я, вон, смотри.

Он обвёл рукой зал: дизайнерский свет (каждая зона клуба имела свой оттенок – от прохладного синего у входа до тёплого красного в вип-ложах), красивые люди (девушки в микроскопических платьях, парни в рубашках с расстёгнутыми воротами и часами, которые тянут на полгода его зарплаты), бутылки на столах за сотню тысяч.

– В «Агату» без брони не попасть, – добавил он, словно подводя итог. – А у меня постоянный столик. Вот так.

– Бабушка твоя – депутат Государственной Думы, – засмеялся Ник. – Ты поэтому свой?

– Частично, – не стал спорить Егор. – Но швейцара это не колышет. Ему плевать на бабушек. Ему нужно, чтобы ты вписывался в концепцию. А я вписываюсь.

Он сам любовался собой в эти секунды – и это было не самолюбование, а скорее привычка, выработанная годами светских мероприятий, вечеринок, презентаций. Как артист перед выходом на сцену проверяет пульс. Егор был артистом собственной жизни.

– Короче, я в курилку, – Егор допил одним глотком остатки джина, поставил бокал на стойку. – Душно.

– С тобой иду, – Ник подхватился, и они вместе направились к выходу в лаунж-зону на улице.



Летняя ночь ударила в лицо влажным теплом, смешанным с ароматами московского воздуха – бензин, асфальт, нагретый за день и теперь медленно остывающий, духи прохожих и далёкий запах жареного мяса. Город не спал. Через дорогу сверкала башня «Федерации» – одна из тех, где у Егора, кстати, была квартира. Он любил этот вид: стекло и бетон, подсвеченные тысячами огней. Город будущего, в котором он чувствовал себя хозяином. Или по крайней мере – желанным гостем.

У входа в клуб, в специально отгороженной лаунж-зоне под открытым небом, курили, смеялись и флиртовали. Воздух здесь был пропитан табаком, дорогим парфюмом и тем особым состоянием «после третьего бокала», когда все становятся красивыми и остроумными. Дорогие машины выстроились вдоль поребрика: «Порше», «Бентли», пара «Мазерати» – одна из них, кажется, принадлежала известному футболисту, который любил зависать в «Агате» инкогнито. Егор мельком глянул на свой «Ауди А7» – серебристый, красивый, но на этой парковке он смотрелся скромнягой.

«Ничего, – подумал он. – Будет у меня и «Феррари», когда я начну брать сделки на себя, а не работать на дядю. Вопрос времени и правильных связей».

Он достал пачку «Парламента» (синий, не красный – красные слишком резкие), выбил сигарету, прикурил от тяжёлой бензиновой зажигалки «Zippo» с гравировкой – подарок Ника на прошлый день рождения. Зажигалка была с выгравированными инициалами и датой: «Е.Т. – 25». Ник тогда сказал: «Пусть будет железка, которая не гаснет, как наша дружба». Сентиментально, но Егор оценил.

Затянулся глубоко, с наслаждением, чувствуя, как никотин въезжает в кровь и аккуратно, по-хозяйски, разгоняет хмель. Табак смешался с воздухом ночного мегаполиса, и в этом коктейле было что-то родное, московское – резкое, смелое, живое.

Ник уже нашёл компанию общих знакомых: какие-то парни с работы плюс две девушки в платьях, которые явно были куплены на распродаже, но умело носились. Они смеялись над чем-то, Ник размахивал руками, изображая то ли начальника, то ли таксиста – сложно было разобрать.

Егор остался в стороне, ему не хотелось влезать в чужие разговоры.

Он облокотился о холодную бетонную тумбу с логотипом клуба (стилизованная буква «А», похожая на перевёрнутую ноту) и, куря, рассеянно скользил взглядом по толпе.

И вдруг – тонкий, едва уловимый аромат.

Сначала он подумал, что ему показалось: слишком много запахов смешалось в этом пятачке у входа. Но аромат прорезал всё – дым, духи, запах пота и автомобильных выхлопов. Он был сложный, многослойный: сандаловое дерево (глубокое, почти смолистое), что-то цветочное, но не приторное – скорее горьковатое, как ирис или фиалка, и едва заметная нота старой древесины и... чего-то ещё, чего Егор не мог определить, но что заставляло ноздри раздуваться.

Он невольно повернул голову.

В трёх метрах от него, отдельно от всех, стояла девушка.

Она курила, откинув голову чуть назад, и глядела куда-то в тёмное небо над небоскрёбами – туда, где редкие звёзды всё ещё боролись с городской подсветкой и проигрывали. Чёрные волосы, прямые и длинные, стекали по плечам на спину, как застывшая лава. Они не двигались от ветра, не пушились – лежали плотным, гладким полотном, словно были тяжёлыми.

Лица толком не разглядеть – полумрак, тени от козырька падали удачно – или неудачно. Но что-то в её силуэте было такое... не от мира сего.

Холодная статуэтка. Стеклянная, дизайнерская вещь, которую поставили на пьедестал и забыли убрать. Она стояла неподвижно, как изваяние, и даже дым от её сигареты поднимался вверх ровными, ленивыми кольцами, без суеты – в отличие от дыма курящих рядом, который клубился нервными завитками.

Обычно в таких местах девушки стреляют глазами, строят глазки, поправляют волосы, поправляют платья, стараются привлечь внимание. Даже самые красивые из них делают это – иногда почти незаметно, иногда откровенно, нагло, «трахайте меня глазами». Это часть игры. Это правила.

Но этой... было плевать. Абсолютно. Она была сама по себе, в своём собственном космосе, куда не долетали даже звуки басов из клуба. Егор смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается странное беспокойство – не тревога, нет, а что-то вроде вопроса, на который у него не было ответа.

– Ник, глянь, – Егор кивнул подбородком в сторону незнакомки. Голос вышел хриплым – он откашлялся.

Ник, который как раз закончил рассказывать анекдот и теперь слушал, как одна из девушек пересказывает последний фильм, обернулся. Прищурился.

– Модель? – предположил он. – Слишком худая. Хотя фиг знает, сейчас такие в тренде. Скелеты в мешках – это называется «высокая мода». Но лицо... не видно лица. Может, красивая. Подойти?